

Чувство глубокой преданности къ своему благодѣтелю Константину Павловичу сохранилъ отецъ мой до конца—и довѣрие къ нему в. в. также неизмѣнилось. — Во всѣхъ счастливыхъ и горестныхъ минутахъ жизни цесаревича—отецъ мой всегда его сопровождалъ; такъ, напр., онъ былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей вѣнчанія цесаревича съ княгиней Ловичъ;—ему одному поручилъ в. в. жену свою въ страшную ночь революціи въ Варшавѣ;—онъ былъ постоянно при ней въ Бѣлостокѣ и Витебскѣ и ему одному пришлось закрыть глаза своему благодѣтелю въ Витебскѣ въ день внезапной его кончины, и привести тѣло его въ Петербургъ.—Память о немъ сохранялъ отецъ мой свято и послѣ смерти велик. князя—и до самой своей кончины не пропускалъ онъ случая, каждый разъ, въ день рожденія и въ день кончины своего благодѣтеля и могу сказать друга, чтобы не поклониться праху его въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы и воспоминанія отца моего объ отношеніяхъ его къ цесаревичу Константину Павловичу, и о событіяхъ, сопровождавшихъ кровавые дни польской революціи 1830—1831 гг. я надѣюсь постепенно представить на страницахъ «Русской Старины».

Е. П. Колчаговъ.

ЗАПИСКИ М. А. ВЕСТУЖЕВА.

I.

Братья Вестужевы *).

Насъ было пять братьевъ и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года. Посвящу нѣсколько строкъ для біографической замѣтки о каждомъ изъ насъ.

*) Пять братьевъ Вестужевыхъ принадлежали къ числу образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ эпоху 14 декабря 1825 года. Двое старшихъ изъ нихъ были весьма извѣстными дѣятелями въ области литературы, третій—уже давній служака въ военной службѣ, — былъ необыкновенно любимъ товарищами и солдатами. Всѣ пятеро были сыновья статскаго совѣтника Александра Федосѣевича Вестужева (р. 1762 † 1810 г.), издававшего въ 1798 году «Санктпетербургскій журналъ» и составившаго нѣсколько книгъ по части воспитанія. Сыновья его: Николай род. 13 апрѣля 1791 г. ум. 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ; Александръ (Марлинскій) род. 23 октября 1797 г. уб. на Кавказѣ 7 іюля 1837 г.; Михаилъ — род. 22 сентября 1800 г.; Петръ род. въ 1806 г. ум. 1840 г. и Павелъ род. въ 1808 г., ум. 1846 г. Ред.

Старшій братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи передѣланъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занималъ комнату капитанъ-лейтенантъ Павелъ Аванасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нами была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что первый игралъ незавидную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т. е. Абросимовой. Около этого времени генералъ Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ предложилъ брату принять должность помощника его, какъ директора всѣхъ маяковъ въ Финскомъ заливѣ. Братъ изъявилъ согласіе и долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ. Тутъ онъ поселился вмѣстѣ съ матушкой и сестрами, гдѣ и проживалъ до 14 декабря 1825 года. Домъ, въ которомъ жилъ братъ, находился въ 7-й линіи Васильев. острова и принадлежалъ купцу Гурьеву. Изъ оконъ дома слѣва видна была церковь Андрея Первозваннаго, а напротивъ лабазъ Андреевскаго рынка. Наскучивъ воняться съ устройствомъ маячныхъ лампъ, рефлекторовъ, машинъ для вертящихся огней маяковъ, а главное со взбалмашнымъ своимъ начальникомъ, братъ Николай бросилъ эту должность и поступилъ исторіографомъ русскаго флота и начальникомъ морскаго музея, находившагося въ Адмиралтействѣ. Тутъ открылось обширное поприще для его умственной и технической дѣятельности и, надо сказать, что требовалось много энергіи и силы воли, чтобы начать съ пользою дѣйствовать въ томъ хаосѣ, какой царилъ въ архивахъ и модельныхъ залахъ. Въ грудахъ, покрытыхъ пылью и плесенью, лежали драгоценные манускрипты; въ тетрадахъ, спитыхъ на живую нитву автографовъ Петра Великаго и его сподвижниковъ, не доставало многихъ листовъ, они были вырѣзаны, а чаще просто выдраны; въ залахъ моделей, между дорожками и замѣчательными по отдѣлкѣ моделями, находились какіе-то кораблики-игрушки и предметы совершенно чуждые флоту. Все это составлено, свалено, свомкано безъ всякаго толку. Двѣнадцать человѣкъ мастеровыхъ занимались болѣе дѣланіемъ судучковъ и баульчиковъ, чѣмъ моделями. Можно себѣ представить, какъ много и бесполезно было потеряно времени для чер-

ной работы—приведенія всего этого въ порядокъ, тогда какъ братъ обяванъ былъ, по званію исторіографа, представить на судъ общества результаты своихъ историческихъ изслѣдованій. И я былъ свидѣтелемъ его моральной пытки, когда онъ нѣсколько разъ, исписавъ много листовъ, съ досадою рвалъ ихъ или по недостатку потерянныхъ фактовъ, или послѣ находки новыхъ, измѣнявшихъ сущность написаннаго имъ.

Онъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи. — Ему оставался единственный выходъ, привести въ совершенный порядокъ хаосъ архива, и онъ принялся за этотъ подвигъ Геркулеса, очистившаго конюшни царя Авгея отъ навоза со всей энергіей безотраднaго положенія. Братъ Николай буквально проводилъ цѣлыя дни въ пыльной атмосферѣ архива, и выходилъ подышать свѣжимъ воздухомъ, или въ модельную залу, гдѣ водворился порядокъ систематическою разстановкою въ хронологическомъ порядкѣ моделей, или въ мастерскую, гдѣ пополнялись пробѣлы въ моделяхъ мастеровыми, требовавшими его указаній.

По временамъ я встрѣчалъ брата Николая у Рылѣва, на обычныхъ «русскихъ завтракахъ», которые были постоянно около второго или третьяго часа пополудни и на которые, обыкновенно, собирались многіе литераторы и члены нашего общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ: изъ графина очищеннаго русскаго вина, нѣсколькихъ вочней кислой капусты и ржаного хлѣба.— Да не покажется страннымъ такая спартанская обстановка завтрака, ежели взять въ соображеніе, во-первыхъ: потребность натуры моего брата Александра, требовавшей кислой пищи, на лишеніе коей такъ часто жаловался онъ на Кавказѣ, а во-вторыхъ, что эта потребность гармонировала со всегдашнею склонностью Рылѣва—налагать печать русицизма на свою жизнь.

Братъ Александръ, по обязанности адъютанта герцога Виртембергскаго, каждое утро долженъ былъ являться къ нему, а черезъ день оставаться тамъ до вечера по обязанности дежурнаго адъютанта.—Жилъ онъ съ Рылѣвыми въ домѣ занимаемомъ директоромъ американской компаніи, Прокофьевымъ, на Мойкѣ, не далеко отъ Снятаго моста.

Иногда герцогъ увольнялъ его отъ своихъ обѣдовъ и тогда онъ спѣшилъ на свои любимые «русскіе завтраки».—Я тоже очень любилъ эти завтраки и, какъ только была возможность отъ

убійственной шагистики, поглощавшей все мое утро до вечера, я спѣшилъ отдохнуть тамъ душою и сердцемъ въ дружной семьѣ литераторовъ и поэтовъ.

Особенно вѣззался у меня въ памяти одинъ изъ этихъ завтраковъ, на которомъ, въ числѣ многихъ писателей, были: баронъ Дельвигъ, Ф. Глинка, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ и другіе. Тутъ же присутствовалъ братъ А. Пушкина, Левъ, котораго братъ Александръ, въ насмѣшку, называлъ «Блѣвъ», намекая на его неумѣренное употребленіе бахусовой влаги. — Помню, что онъ говорилъ наизусть много стиховъ своего брата, еще не напечатанныхъ: прочиталъ превосходный разговоръ Тани съ нянею, приведшій въ восторгъ слушателей.

Помню, какъ тутъ же братъ Александръ и Рылѣевъ просили Льва Пушкина передать брату: не согласится ли онъ продать имъ каждый стихъ этого эпизода по пяти рублей для предполагаемой «Полярной Звѣздочки», что впоследствии и было утверждено съ согласія Пушкина.

Помню, какъ зашла рѣчь о Жуковскомъ и какъ многіе жальди, что лавры на его челѣ начинаютъ блекнуть въ тлетворной атмосферѣ; какъ отъ сожалѣнія непримѣтно перешли къ шуткамъ на его счетъ. — Ходя взадъ и впередъ съ сигарами, закусывая пластовой капустой, то тамъ, то сямъ, вырывались стихи съ отбѣнками эпиграммы или сарказма, и наконецъ братъ Александръ, при шумѣ возгласовъ и хохота, редижировалъ извѣстную эпиграму, приписанную впоследствии А. Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ;
Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!...

Братъ Петръ былъ права крѣпкого, флегматическаго и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій; постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его разшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично.

Онъ былъ адъютантомъ главнаго командира кронштадтскаго порта вице-адмирала Федора Васильевича Моллера, и жилъ до послѣдняго времени на квартирѣ, которую занималъ братъ Николай.

Въ послѣднее время мы съ нимъ рѣдко видались.—Обязанности по службѣ, и отсутствіе матушки и сестеръ въ Петербургѣ были тому причиною.

За пять дней до 14 декабря онъ приѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая жену Михаила Гавриловича Степового — Любовь Ивановну, и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, по нашему настоянію, за день до роковаго дня.

Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣева, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больнаго и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, — неожиданно увидѣлъ брата Петра у него; онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ: «Они меня заставляютъ снова уѣхать, — говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—а я буду лишень завидной участи раздѣлять опасность вашего славнаго предпріятія».—Что было дѣлать? Я согласился молчать,—и онъ явился на площади, только что я привелъ Московскій полкъ.

Осужденный служить на Кавказѣ солдатомъ, братъ Петръ подранцемъ провелъ всю персидскую и турецкую кампаніи, былъ раненъ въ лѣвую руку при штурмѣ Ахалцыха и потомъ сошелъ съ ума въ одной изъ кавказскихъ крѣпостей, попавъ подъ начальство начальника этого укрѣпленія—непроходимаго бурбона, т. е. офицера изъ нижнихъ чиновъ. Это вотъ какъ случилось. Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ, — наполнилъ свой штабъ большею частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. — Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ—онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д***, мужъ премиленькой жены своей, воспитанницы смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, приревновалъ брата моего Александра и, вмѣсто того, чтобы расчитаться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церкви дерзостей.—Братъ вызвалъ его на дуэль—онъ отказался.

Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д*** случайно на улицѣ, и въ отвѣтъ на его дерзости исколесалъ его хлыстомъ, бывшимъ въ его рукѣ.

Этотъ-то субъектъ былъ назначенъ на Кавказъ какъ чинов-

никъ-провіантмейстеръ и какъ-то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя посреди декабристовъ.—Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь онъ на другой же день уѣхалъ, безъ разрѣшенія, въ Петербургъ, а тамъ, чтобъ какъ-нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ представилъ Раевского какъ измѣнника.

Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главнокомандующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевского и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ — по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ.

Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ названіе «бурбоновъ». — Держа его въ кавказскіе жары, въ полной аммуниціи, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доконалъ. Всѣ усилія братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру — остались тщетны. Наконецъ его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать и сестеръ цѣлыя семь лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сторгѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою въ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу, съ покорнѣйшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 11-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы». — Впослѣдствіи однако дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе.—Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ.

Братъ Павелъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ послѣднее время онъ былъ въ офицерскомъ классѣ и готовился, по выдержаніи экзамена, поступить въ гвардейскую конную артиллерію. На другой день 14 декабря великій князь Михаилъ Павловичъ во время параднаго выхода обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Для меня—ты не братъ бунтовщиковъ.—Я тебя знаю, какъ хорошаго офицера и постараюсь забыть, что ты называешься Бестужевымъ».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя великій князь Михаилъ Павловичъ, пробѣгая по офицерскимъ дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями. — Онъ беретъ книгу — то была «Полярная Звѣзда». Смотритъ, на чемъ она была развернута — это была «Исповѣдь Наливайки» — извѣстное стихотвореніе Рылѣва.

— «Кто здѣсь спитъ»? спросилъ великій князь, указавъ на одну изъ кроватей.

— «Бестужевъ, ваше высочество!» — отвѣчали ему.

— «Арестовать его!»

Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ былъ отправленъ на службу на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ отставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ: «Бестужевского прицѣла».

Въ Петербургѣ в. к. Михаилъ Павловичъ предложилъ брату, чрезъ Ростовцева, должность старшаго адъютанта при глав. управ. воен. учеб. заведеній. — Братъ принялъ предложеніе, прослужилъ тамъ года три, и снова вышелъ въ отставку; поѣхалъ въ Москву и тамъ женился на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери владимірскаго помѣщика Евграфа Васильевича Т-ва, — старосвѣтскаго русскаго барина съ замашками аристократа и со страстію къ рифмоплетству, похожую на Хвостовскую. Въ недугамъ, приобретеннымъ Павломъ Бестужевымъ на Кавказѣ, присоединились тяжелые труды по устройству разстроеннаго имѣнія — онъ заболѣлъ и умеръ шесть недѣль спустя послѣ смерти матушки, послѣдовавшей 27 октября 1846 г. и скоронивъ до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Отецъ его жены умеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, а жена его чрезъ три или четыре года вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Мыльникова, имѣла отъ него трехъ малютокъ и вскорѣ умерла.

Теперь очередь дошла до меня.

Видя во очію совершившееся систематическое разрушеніе нашего флота подъ управленіемъ французскаго министра (маркиза де-Траверсе), а потомъ нѣмецкаго (Антонъ Васильевича Моллера)

и будучи лично оскорбленъ вопіющею несправедливостію въ дѣлѣ проекта К. П. Торсона о преобразованіи флота *), я неволь-но проникся чувствомъ недовольства морскою службою, и заглушивъ мою страсть къ морю, искалъ случая сокрыть свою голову, гдѣ бы то ни было. Дѣла тайнаго общества близились къ окончательнымъ результатамъ. Братъ Александръ, которому я исповѣдалъ состояніе моей души, предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи можетъ быть будетъ полезно для дѣла тайнаго общества—я согласился.—Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ.—Великій князь, цѣня его ходатайство, захотѣлъ ознаменовать свое къ нему расположеніе особенною милостію, и перевелъ меня въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ, коего онъ былъ шефомъ.—Приказъ о переводѣ былъ полученъ мною наканунѣ представленія въ Кронштадтѣ комедіи Коцебу: «Пажескія шутки», въ которой роль колченогаго солдата игралъ я. Читатель вправѣ спросить меня: какой это театръ? Этотъ театръ былъ устроенъ и управляемъ братомъ Петромъ и въ шутку былъ названъ Петрозаводскимъ. Онъ, слѣдующая за примѣромъ брата Николая, устроившаго, во время его кронштадтской службы, прекрасный театръ, гдѣ онъ былъ и директоръ, и костюмѣрь, и режисѣрь, и главный актеръ, и за примѣромъ вашего поборнѣйшаго слуги—устроившаго точно на тѣхъ же условіяхъ театръ въ Архангельскѣ,—братъ Петръ Александровичъ аранжировалъ премиленькій театръ и представленія шли съ блестящимъ успѣхомъ.—Онъ, зная мои сценическіе таланты, упросилъ взять вышеупомянутую роль, и когда комедія выдержала всѣ репетиціи и была назначена къ представленію,—я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ.—Всѣмъ, включая и себя—намъ было крайне это неприятно, но чтожь дѣлать?... Я написалъ ко всему лику актеровъ слѣдующую эпистолу: «Съ прискорбіемъ извѣщая о постигшей кончинѣ моего сценическаго поприща по случаю перевода моего въ гвардію,—прошу почтить

*) См. нашу статью «Николай Александровичъ Бестужевъ» въ журн. «Заря». 1869 г. кн. VII.

последнія минуты моего отъезда и съ бокаломъ въ рукѣ пожелать мнѣ на томъ свѣтѣ быть столь-же счастливымъ, какъ я былъ съ вами на этомъ».

Въ полу меня встрѣтили непріязненно всѣ тѣ, котрымъ я, какъ первый поручикъ, сѣлъ на голову; за то со старшими я жилъ въ ладахъ, сблизившись съ ними у Александра П. Корнилова задолго до моего перевода. — Захвативъ сильную простуду на ученѣ въ манежѣ, — я переѣхалъ отъ матушки къ Рылѣву и брату Александру, и тамъ проболѣлъ мѣсяца четыре.

Въ пароксизмахъ лихорадки мнѣ, какъ въ калейдоскопѣ, являлись и исчезали лица литераторовъ и поэтовъ, по одиночѣмъ и группами, говорящихъ, смѣющихся, спорящихъ или читающихъ стихи или прозу, какъ это обыкновенно происходило на «русскихъ завтракахъ» Рылѣва или за вечернимъ чаемъ. О политикѣ рѣдко заходила рѣчь; о дѣлахъ тайнаго общества—никогда. Объ этомъ предметѣ мы толковали поздними вечерами, когда оставались только члены нашего общества.

По принятіи мною роты отъ капитана Мартынова, я долженъ былъ переѣхать на казенную квартиру въ московскія казармы, гдѣ и оставался до 14 декабря.

Въ началѣ съ ротою мнѣ было не мало хлопотъ. Мой предѣстникъ,—славный фрунтовикъ и до костей пропитанный тогдашнею системою командованія, — былъ жестокъ съ солдатами и даже на ученіи ихъ билъ шомполами. Желая поставить роту на иныхъ принципахъ, я съ перваго же дня уничтожилъ употребленіе не только шомполовъ, но даже палокъ и розогъ. Солдаты первоначально меня не поняли и приняли мое гуманное съ ними обращеніе за слабость. Но, слава Богу, послѣ нѣсколькихъ случаевъ недоумѣнія, все обошлось, какъ нельзя къ лучшему, я заслужилъ ихъ любовь и довѣренность. Судились и наказывались они своимъ судомъ, и въ штрафную книгу ни одного солдата не было записано, — такъ что я даже заслужилъ строгій выговоръ за потворство къ подчиненнымъ*).

*) Такое обращеніе М. А. Бестужева, какъ онъ дагѣ самъ говорить, было вызвано не одною гуманностью, но и тайными дѣлами, которыя преслѣдовало то общество, дѣятельнымъ членомъ котораго онъ былъ. Привязанностью, которую Бестужевъ возбудилъ въ солдатахъ, объясняется, ка-

II.

Стѣнная азбука.

1826 г.

...Какъ подстрѣленный соболю изъ поднебесья упавъ на землю — я сталъ озираться. Угаръ эвзальтаціи началъ испаряться и прозаическая дѣйствительность, волею или неволею, начала вступать въ свои права — я началъ осматривать свой гробъ... Моя тюрьма въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, Петропавлов. крѣпости восемь шаговъ длины и шесть шириною. Большое окно за толстою рѣшеткою изъ толстыхъ полосъ желѣза — было сплошь замазано известью, и во мнѣ проникалъ какой-то таинственный полумракъ. Противъ окна дверь въ корридоръ, гдѣ ходилъ безотвѣтный часовою, обутой въ мягкія туфли, чтобы его шаги были неслышны, и чтобы онъ могъ, незамѣтно для слуха узника, подойти къ двери и наблюдать каждое его движеніе въ четырехугольное отверстіе, прорѣзанное въ двери и закрытое темнаго цвѣта занавѣскою. Направо отъ входа деревянная кровать съ матрасомъ, покрытымъ простынею изъ грубаго холста, съ периною подушкою и одѣяломъ изъ сѣраго солдатскаго сукна. Подлѣ кровати деревянный столъ и такой же табуретъ. Печь выходила угломъ въ комнату, налѣво отъ входа. Стѣны, выбѣленные известью, были все исчерчены надписями, іероглифами, силуэтами и прочими досужими занятіями живыхъ мертвецовъ.

Осторожность тюремщиковъ тщательно ихъ соскабливала, и нельзя было не пожалѣть объ этомъ. Какую-бы хронику можно было прочесть въ сжатыхъ фразахъ, въ рисункахъ заключенныхъ! Какое-бы назидательное занятіе, какой урокъ терпѣнія могъ-бы почерпнуть нововступившій арестантъ, читая на стѣнахъ ихъ свою будущую участь! Я старался разбирать нѣкоторые, частію уцѣлѣвшія отъ скрябки — читалъ, рассматривалъ съ настойчивостью чловека, у котораго таеъ много часовъ, давящихъ душу его, какъ свинець. Но, увы!... все напрасно... У нѣ-

кимъ образомъ могъ онъ, черезъ преданныхъ ему душею солдатъ, приготовить поле къ мятежу, когда ни одинъ изъ ротныхъ офицеровъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, какъ то положительно свидѣтельствуеъ самъ М. А. Вестужевъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ: не были членами тайнаго общества и когда солдаты всѣхъ полковъ были подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ высшаго начальства.

Ред.

которыхъ фразъ уцѣлѣли только нѣсколько начальныхъ буквъ, у другихъ обратно, у иныхъ уцѣлѣли среднія буквы. Силуэты и портреты, по большей части женскіе и два изображенія старика, были видимо пощажены. Но сколько любви, сколько потерянаго счастья можно было прочесть въ ихъ изображеніи!! Подъ однимъ портретомъ молодой дѣвушки, дышащимъ какой-то неземною любовью—я долго старался разобрать по уцѣлѣвшимъ буквамъ четверостишіе, и наконецъ іероглифъ понялъ такъ:

«Ты на землѣ была мой Богъ,
 «Но ты ужъ въ вѣчность перешла,
 «Молись же тамъ... ..
 «Чтобъ тамъ тебя увидѣть могъ.

Подъ мужскимъ портретомъ я разобралъ: «Братъ, я рѣшилъ на самоубійство». Около портрета молодой женщины я съ трудомъ прочиталъ: «Прощай папа на вѣки». Подъ гнетомъ грустныхъ впечатлѣній, я дико бродилъ по моей комнатѣ, осматривая каждый ничтожный предметъ, прислушиваясь къ каждому звуку. Слухъ изострился отъ постоянного напряженія до невѣроятной чуткости. Я даже могъ сосчитать неслышныя шаги часового отъ моего № до конца коридора. Я сосчиталъ двадцать восемь шаговъ. Значить отъ моего № вправо, вычитая по два шага на толстоту стѣны, было еще три нумера. Впослѣдствіи, когда насъ водили въ судъ или при наступившей веснѣ въ садъ, я насчиталъ отъ моего № вправо до выхода еще 16 №№, слѣдовательно всѣхъ №№ было съ моимъ 20. Гуляя въ саду я замѣтилъ, что выходъ въ садъ, соответствующій входу въ тюремное зданіе Алексѣевского рavelина, находился посрединѣ фаса одной изъ сторонъ треугольника, внутри котораго и былъ разведенъ маленькій нашъ садикъ, и что другая половина фаса, на лѣво отъ входа, была занята кухней и помѣщеніемъ команды, оберегавшей арестантовъ. Это я заключилъ по дыму изъ трубъ лѣтомъ, когда печи у насъ уже не топились и по людскому говору, чего не было слышно въ нашихъ могилахъ.

«Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
 «Но въ ней какой-то холодъ былъ;
 «И вѣялъ отъ стѣнъ сырой,
 «Какой-то холодъ гробовой.

Толстый желѣзный пруть наручниковъ сжималъ мои руки. Гробовая тишина давила мою душу... Я захотѣлъ узнать: есть-

ли хоть живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ...—нѣтъ отвѣта... Въ другую...—мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабого стука. «А что, если мой братъ въ сосѣдствѣ?», подумалъ я, и засвисталъ мотивъ ариц, извѣстный только моему брату Николаю *). Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ. Явившійся ефрейторъ объявилъ мнѣ, что если я впередъ повторю такую выходку, то меня посадятъ въ особое совершенно помѣщеніе. Я извинился незнаніемъ тюремнаго порядка и далъ обѣщаніе себѣ—не злоупотреблять ихъ терпѣніемъ.

Въ промежутокъ между совершенной тьмою и тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ въ мой №, я садился въ уголокъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ на мой стукъ я получалъ такой-же отвѣтъ, отъ моего брата. Каждый день начинался взаимнымъ стукомъ полного похода, что означало: «здравствуй, здоровъ ли?» Когда же надлежало прекратить стукъ, мы били отбой.

Такъ прошло нѣсколько дней, томительно скучныхъ дней, ложившихся свинцовымъ бременемъ на мою душу, тѣмъ болѣе, что меня ужъ начали допрашивать.

«Какъ бы хорошо, думалъ я, если бы можно было говорить черезъ стѣну съ братомъ». Эта мысль глубоко запала въ мою душу и я началъ обдумывать способъ сообщенія. Каждая сумерки я употреблялъ на стучаніе въ стѣну ногтями азбуки по порядку буквъ, но братъ меня не понималъ. Онъ отвѣчалъ какимъ-то продолжительнымъ стукомъ по длинѣ стѣны, останавливаясь постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ свою очередь, я тутъ вовсе ничего не могъ понять...

Каждое утро приносили мнѣ снадобье для умыванія, обрядъ весьма не сложный въ обыденной жизни, но въ моемъ положеніи онъ былъ довольно затруднителенъ. Вообразите человека, котораго руки разъединены толстымъ желѣзнымъ болтомъ. Мнѣ уже нельзя было связать: рука руку моетъ; мнѣ поочередно долженъ былъ мыть ихъ прислужникъ, и потомъ я одною рукою мылъ лицо. Однажды умывальный приборъ внесъ ко

---

*) Николай Александровичъ Вестужевъ род. 1791, † 15 мая 1855 г. въ г. Селенгинскѣ. Ред.

мигъ нивенькій солдатикъ, съ выраженіемъ на лицѣ неизъяснимой доброты. По обыкновенію я поставилъ табуретъ противъ двери, а онъ поставилъ на него большую муравленую чашку, взялъ со стола оловянную кружку съ водою, назначенною мнѣ съ кускомъ чернаго хлѣба для пищи и, снимая съ плечъ тиковый мой халатъ, брошенный въ навидку, тихонько посовѣтовалъ мнѣ поставить табуретъ у печки, говоря, что тамъ будетъ теплѣе. Не понимая степени его участія, я приставилъ табуретъ къ печкѣ, онъ передвинулъ его въ уголь, куда взоръ часового не могъ достигнуть, потому что уголь выходящей печки заслонялъ насъ совершенно.

— Посмотрите на себя, на что вы похожи, ваше высокоблагородіе, началъ онъ едва слышнымъ шопотомъ, намыливая мнѣ лѣвую руку.—«Вамъ скучно... Попросите книгъ»...

«Да развѣ можно?»

— Другіе читають, почему-жъ вамъ не можно?...

«Кто подлѣ меня сидитъ?»... рѣшилъ я спросить его.

— Бестужевъ, отвѣчалъ онъ.

«А подлѣ него и далѣе?»

— Одоевскій и Рыльцевъ.

«Не можешь ли ты отнести записки къ брату?»

— Пожалуй, можно. Но за это нашего брата гоняють сѣвось строй...

Я содрогнулся своей преступной мысли... Что за безцѣнный русскій народъ!... Я готовъ былъ упасть на колѣни предъ однимъ изъ ничтожныхъ существъ русскаго добраго элемента. Изъ записокъ Сильвіо Пелико, я зналъ, какъ тюремщикъ, простодушный австріецъ, нѣжный отецъ семейства, не хотѣлъ принять срочной работы шерстяного чулка безъ нѣсколькихъ недозванныхъ рядовъ и на замѣчаніе Сильвіо Пелико, что онъ можетъ ослѣпнуть, если его заставятъ довязывать чулокъ въ потемкахъ, тотъ со слезами на глазахъ, вздыхая возражалъ: «Да!... это очень можетъ случиться, но вы должны исполнять заданный урокъ... а я—свою обязанность...» Я не рѣшилъ воспользоваться добротой, безкорыстною въ полномъ смыслѣ, потому что я ничѣмъ не могъ заплатить солдатикъ за услугу, когда онъ рисковалъ, можетъ быть, жизнью. Когда привезли поляковъ—они его не пощадили... Пойманный—онъ былъ наказанъ и умеръ подъ пальцами.

На другой день, послѣ нашего таинственнаго разговора съ солдатикомъ, при обычномъ утреннемъ посѣщеніи начальника нашей тюрьмы майора Лилиенбанкера, высокаго, сухого, сѣдого, одѣтаго всегда въ форменный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и въ сопровожденіи начальника тюремной стражи — я обратился съ просьбою къ первому и просилъ какой-нибудь книжки для чтенія.

«Я доложу-сь...» былъ отвѣтъ. Даже этотъ лаконическій отвѣтъ меня удивилъ, послѣ того, какъ на всѣ мои вопросы и просьбы я постоянно получалъ отвѣтъ: «не знаю-сь...» а отъ тюремщиковъ-солдатъ: «не могу знать...» Иногда, чтобъ испытать степень ихъ скромности, я спрашивалъ при ясномъ сіяніи солнца:

«Что, ясно или сумрачно на дворѣ?»

— Не могу знать, былъ постоянный ихъ отвѣтъ.

Черезъ три дня мнѣ принесли для чтенія IX-й томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Странная случайность!... Почему именно IX-й томъ попалъ ко мнѣ? Хотя мнѣ очень хорошо была извѣстна эпоха звѣрскаго царствованія Іоанна, но я предался чтенію съ какимъ-то лихорадочнымъ чувствомъ любопытства. Было-ли удовольствіе—вкусить духовную пищу послѣ томительной голодовки,—не знаю... Но я читалъ... перечитывалъ — и читалъ снова каждую страницу.

— Какъ твое имя? спросилъ я однажды моего добраго солдата, когда онъ подавалъ мнѣ мыться въ углу за печкою.

— Зачѣмъ, ваше высокоблагородіе, вамъ знать мое имя. Я человекъ мертвый!...

Кто была благодѣтельная фея узниковъ, снабжающая насъ книгами — я узналъ уже только въ Читѣ, когда привезенъ былъ къ намъ въ читинскій острогъ Корниловичъ *). Онъ, съ особенною ему свойственнымъ комизмомъ, повѣдалъ намъ, какъ одна пожилая уже дѣвушка, дочь плацъ-майора П — на воспылала къ не-

---

*) Штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Корниловичъ былъ человекъ весьма образованный и (мы не касаемся его политическихъ увлеченій, приведшихъ его сначала въ Сибирь, а потомъ солдатомъ на Кавказъ), — отличался прямою и благородствомъ. Достойно замѣчанія, что Корниловичъ страстно любилъ отечественную исторію и кромѣ многихъ статей, разсѣянныхъ имъ въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, издалъ историческій сборникъ, въ форматѣ тогдашнихъ

му неугасимымъ пламенемъ любви, увидавъ его въ первый разъ у окна его тюрьмы, кажется Невскою куртiны. Входъ въ квартиру плацъ-майора былъ подлѣ его окна и она, изыскивая тысячи случаевъ его видѣть, услаждала горестъ его заключенiя серенадами, сопровождаемыми звуками гитары, какъ наприимѣръ, изъ извѣстнаго водевила:

«Онъ сидя въ башнѣ за стѣнами,
Лишенъ тамъ бѣдненькой всего.
Жалѣть бы стали вы и сами,
Когдабъ увидѣли его....»

Наконецъ—рѣшилась писать къ нему. Корниловичъ, жалуюсь на скуку: просилъ прислать книгъ.

Какiя могутъ быть книги у необразованной женщины?.. Чтобъ по возможности удовлетворить желанiе своего любезнаго, какъ практически умная женщина, она нашла вѣрную дорогу: она обратилась къ роднымъ осужденныхъ—облегчить ихъ участь присылкою книгъ для чтенiя, которыя лучше всѣхъ конфетъ и булокъ могутъ облегчить тяжесть заключенiя ихъ родственниковъ. Пожертвованiя не замедлили завалить всѣ ея комнаты обширною библиотекою. Чтобъ замаскировать свою слабость къ единственному предмету, для котораго она все это дѣлала, она заставила отца выпросить позволенiе разсылать книги и для другихъ. И вотъ прозаическiй результатъ большей части мировыхъ событiй!.. Сантиментальная страсть пожилой дѣвушки предотвратила можетъ быть нѣсколько положительныхъ умовъ отъ сумасшествiя въ тюремной жизни.

А между тѣмъ дни за днями тянулись безконечною капителью; мое сумеречное стучанiе азбуки сопровождалось тѣмъ же непонятнымъ отвѣтомъ брата, и я приходилъ въ отчаянiе. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, меня внезапно посѣтила свѣтлая мысль: «не отъ того-ли братъ меня не понимаетъ, что стукъ азбуки, единообразнымъ стукомъ по порядку буквъ—причиною его недоразумѣнiя?»... Соображая затрудненiя изъясняться посред-

---

альманаховъ, подъ названiемъ: «Русская Старина», Спб. 1824 г. Этотъ сборникъ, посвященный стариѣ недавней, а именно XVII и XVIII вв., столь сочувственно былъ принятъ публикой, что въ короткое время выдержалъ два изданiя. Корниловичъ умеръ отъ дѣйствiя непривычнаго для него климата на Кавказѣ около 1835 года—послѣ нѣсколькихъ экспедицiй, въ которыхъ онъ принималъ участiе въ качествѣ простаго солдата.

Ред.

ствомъ такой азбуки, гдѣ, наприм., буква я должна стучаться 32 раза, я вскочилъ изъ своего завѣтнаго угла и, менѣе нежели въ полчаса, составилъ другую азбуку совершенно на новыхъ основаніяхъ.

Принимая въ соображеніе, что краткость есть основаніе сообщеній, я долженъ былъ составить мою азбуку на основаніи кратковременности. Такъ какъ братъ мой былъ морякъ и потому долженъ быть знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы или склянки бьются двойнымъ, краткимъ звономъ, то я распредѣлилъ мою азбуку такъ:

	.	-	- -	- -	- - -		-	--	---	----
.	В.	В.	Г.	Д.	Ж.		А.	Е.	И.	О.
. .	З.	К.	Л.	М.	Н.	—	У.	Ы.	Ю.	Я.
· .	П.	Р.	С.	Т.	Ф.					
· · .	Х.	Ц.	Ч.	Ш.	Щ.					

Эти іероглифы я начертилъ обожженнымъ прутикомъ изъ вѣшника, случайно выпавшимъ, когда подметали мою комнату. Я ихъ начертилъ на одной изъ страницъ примѣчаній въ IX-му тому Росс. Исторіи Карамзина. Какъ любопытно было-бы узнать, что могъ заключить собственникъ этой книги, когда она была ему возвращена, увидѣвъ эти непонятныя начертанія?.. Могъ-ли онъ предполагать, что они заключаютъ въ себѣ источникъ неизреченныхъ, невыразимыхъ наслажденій, что это есть языкъ, которымъ говорили узники.

Чтобъ познакомить ближе съ моею азбукою, я долженъ обратить вниманіе преимущественно на то, что въ ней согласныя буквы были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ, что отличало ее отъ всѣхъ способовъ сообщенія другихъ нашихъ союзниковъ. Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели вы не дослышали двѣ, даже три согласныя буквы, то ясный стукъ одной или двухъ гласныхъ буквъ давалъ вамъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повтореній.

Кромѣ того, всѣ согласныя буквы, доходившія до вашего слуха въ одномъ и томъ-же однообразномъ порядкѣ или, лучше сказать, въ одномъ и томъ же образѣ или видѣ двойныхъ учащенныхъ звуковъ не далѣе шестой цифры—но только предшествуемые однократнымъ или двукратнымъ стукомъ, не напрягали вашего вниманія считать число ударовъ. Вы безъ всякаго счета только слѣдили за двойными ударами, предшествуемыми тройнымъ ускореннымъ стукомъ. Такъ напримѣръ: въ утреннемъ нашемъ привѣтствіи: здорово, я стучалъ тройку скоро и потомъ двойку, какъ бьютъ на кораблѣ двѣ склянки (---||) и это будетъ означать букву з. Потомъ двойку, двойку и одинъ разъ (||---) это буква д. Потомъ четыре раздѣльные звука (----), т. е. букву о. Потомъ на концѣ, разслушавъ явственно е и о, хотя и пропустивъ средній слогъ, — мнѣ не трудно будетъ догадаться, что это слово: *здорово*. Практичность этой системы мы вполнѣ извѣдали въ Шлиссельбургѣ. Тамъ я, разъединенный съ братомъ Николаемъ шестью нумерами, могъ переговариваться съ нимъ, при растворенныхъ окнахъ черезъ весь дворъ, постукивая обоженной палочкою въ желѣзную рѣшетку. Когда случалось, что звуки согласныхъ буквъ поглощались или говоромъ часовыхъ или кривомъ птицъ—изловивъ двѣ, три гласныя, я легко возстановлялъ цѣлое слово и это тѣмъ легче, чѣмъ внимательнѣе слѣдишь за излагаемою мыслью.

Азбука брата Александра*), придуманная имъ для разговора съ сосѣдями, была составлена имъ тоже на основаніи сократить, по возможности, безконечное стучаніе буквъ. Тридцать буквъ онъ раздѣлил на три десятка, каждому десятку предшествовалъ свой опознательный стучъ. Недостатокъ его азбуки состоялъ именно въ томъ, что гласныя и согласныя стучались одинаково медлительнымъ стукомъ, который все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій, безпрестанно смѣшивая гласныя съ согласными, заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткою для стучащаго.

Снова началась моя прежняя процедура неутомимаго стучанія, но только по новой моей методѣ, и снова я долженъ

*) Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскій, весьма даровитый писатель, род. въ 1797 году, убитъ въ дѣлѣ съ горцами на Кавказѣ 7 іюля 1837 года.

былъ каждый день слышать разочарованіе моимъ надеждамъ. Какъ могъ не истощиться запасъ моего терпѣнія при такихъ неудачахъ—понять можетъ только тотъ, кто былъ погребенъ заживо въ могилу, хочетъ достучаться человѣческаго сочувствія, хотя стучась головою въ стѣны своего гроба... И я наконецъ достучался до этого счастья.

Не помню хорошенько когда, но кажется на вербой недѣль—я услышалъ мѣрные шаги моихъ приставовъ; дверь открылась и предо мною предсталъ сѣдовласый Лилиентанверъ, въ сопровожденіи начальника стражи. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ матери, поклонился и вышелъ. Я слышалъ, какъ дверь брата Николая тоже открылась и черезъ минуту они удалились. Слѣдовательно и брату передано такое же письмо. Я прочиталъ свое. Въ немъ мать слезно меня умоляетъ—вѣрить въ милосердіе начальства, которое будетъ соразмѣрно съ моимъ чистосердечнымъ признаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—увѣдомляетъ, что ей, а по ея смерть дочерямъ ея, назначено 500 р. ассиг. годовой пенсін.

Въ эту минуту у меня блеснула счастливая мысль. Попытаюсь въ послѣдній разъ дать знать моему брату, что я хочу объясниться съ нимъ черезъ стѣну, какъ наша мать объясняется съ нами черезъ бумагу. Я подошелъ въ стѣнѣ и началъ шаркать письмомъ, и услышалъ тоже отъ брата. Тогда я началъ стучать въ стѣну азбуку уже не пальцами, а болтомъ моихъ наручниковъ. Слышу, братъ отодвигаетъ свою кровать отъ стѣны и что-то чертитъ по ней, я повторилъ азбуку пальцами. Слышу, братъ записываетъ на стѣнѣ. Слава Богу—онъ понялъ въ чемъ дѣло!

Въ промежутки этой операціи вошелъ ефрейторъ, который любопытствовалъ узнать причину моихъ неистовыхъ восторговъ. Я объяснилъ, что письмо матери меня совершенно свело съ ума и я въ восторгѣ самъ не зналъ, что дѣлалъ. Ефрейторъ замѣтилъ мнѣ, что чувства здѣсь не выражаются шумливо, и что ежели они другой разъ перейдутъ границы заведеннаго порядка, то мнѣ будетъ худо.—Я далъ обѣщаніе вести себя впередъ тише, и меня оставили....

Съ замираніемъ сердца снова сѣлъ я въ свой уголокъ, когда наступили сумерки, и ожидалъ: что скажетъ братъ....

— Здорово!.. простучалъ онъ мнѣ.

«Здравствуй», отвѣчалъ я.

— «Здоровъ ли ты?»

«Здоровъ, но я закованъ въ желѣза!...

— «Я плачу» — былъ отвѣтъ, и больше ничего....

Я блаженствовалъ. Я былъ счастливъ, вполнѣ увѣрившись, что подлѣ меня былъ точно мой братъ, котораго я такъ любилъ, съ которымъ теперь я могу говорить и увѣрить его въ моихъ неизмѣнныхъ чувствахъ, однимъ словомъ — я находился въ положеніи ожившаго въ гробу мертвеца, который, почуявъ вѣянье атмосфернаго воздуха, хочетъ пожить еще настолько, — насколько дозволяетъ могила.

Наступила ночь....

Ни я, ни братъ глазъ не смыкали. Я — отъ невыразимо-пріятнаго волненія; братъ — отъ желанія поскорѣй освоиться съ азбукою. Едва началъ брезжить разсвѣтъ, какъ онъ уже довольно бойко простучалъ обычное привѣтствіе:

— Здорово!

— Ты получилъ письмо отъ матушки? спросилъ я.

— Получилъ.

— Увѣдомляетъ она тебя о пенсіи?

— Да!...

— Умоляетъ объ искренности показаній?

— Да!...

— Ну, значить это дублировать съ моего.

Затѣмъ мы обмѣнялись нѣсколькими мыслями, о содержаніи полученнаго письма и сказали другъ другу кое-что о тѣхъ показаніяхъ, которыя давали на допросахъ.

Этотъ разговоръ, которой можно было бы прочитать въ полминуты, — длился у насъ почти до полудня, по причинѣ перерывовъ и безпрестанныхъ онасеній. Тѣмъ болѣе, что и братъ, выучившій наизусть азбуку, но не свыкшись достаточно со звуками, принужденъ былъ, — прерывая меня, — бѣгать вдоль стѣны, справляясь съ своимъ царапаньемъ.

Впослѣдствіи мы до того усовершенствовались нашу азбуку и такъ скоро и свободно говорили, что нашъ разговоръ немногимъ длиннѣе былъ изустнаго. Для доказательства я приведу примѣръ. Вопросные пункты намъ обыкновенно приносилъ Лиенгангеръ и спрашивалъ: «Сколько вамъ нужно листовъ для отвѣтовъ?» Я объявлялъ число листовъ по соображенію, и онъ

удалаяся за письменнымъ приборомъ.—Тогда этого промежутка времени было довольно, чтобъ сообщить брату кратко сущность вопроса и мой отвѣтъ. — Съ своей стороны онъ дѣлалъ также.

Правда, много протекло скучно-томительныхъ дней, употребленныхъ нами на усовершенствованіе нашихъ сношеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору и прочихъ измѣненій, каковымъ подвергалась ежедневно наша азбука — и этимъ опытамъ мы обрекали себя, когда душа рвалась къ задушевной бесѣдѣ.

Къ числу главныхъ усовершенствованій нашей азбуки должно упомянуть нашу геройскую рѣшимость: выкинуть изъ согласныхъ 10 буквъ и изъ гласныхъ 4, такъ что азбука приняла слѣдующій видъ:

	-	-	-	- -	- -	.	--	---	----
	В.	В.	Г.	К.	М.	А.	И.	О.	У.
	Н.	Р.	С.	Т.	Ш.				

Всякому покажется непонятнымъ, каковымъ образомъ мы могли понимать другъ друга съ такимъ ограниченнымъ числомъ звуковъ?... Я скажу въ отвѣтъ, что все зависитъ отъ привычки.— Вамъ вѣроятно случалось встрѣчать въ своей жизни множество косноязычныхъ и вы ихъ понимали, употребляя нѣкоторое умственное усиліе. Вы встрѣчали картавыхъ, шепеляющихъ, вы встрѣчали многихъ изъ разныхъ концовъ нашей матушки-Руси, гдѣ сплошь да рядомъ замѣняютъ одни согласныя другими и съ гласными поступаютъ также. Ну, теперь вообразите субъекта, который въ одномъ лицѣ совмѣстилъ всѣ эти недостатки и онъ ведетъ съ вами рѣчь!... Не спорю—вы будете въ большомъ затрудненіи сначала понять его, но если рѣчь васъ интересуеъ, вы наконецъ его поймете—а меня съ братомъ интересовало каждое слово. Теперь вамъ будетъ понятна наша азбука....

Для васъ будетъ и скучно и утомительно читать подробное исчисленіе всѣхъ тонкостей нашихъ сношеній. Сигналы, предо-

стереженія, сокращенія, а главное знаеть, что я понялъ фразу, хотя бы она только начиналась одной буквой—этотъ знаеть способствовалъ быстрой текучести рѣчи и часто весь разговоръ состоялъ изъ начальныхъ буквъ фразы, безпрестанно прерываемой знакомъ: «я понимаю». Къ довершенію полнаго изображенія картины я долженъ упомянуть объ обожженной палочкѣ изъ вѣнзеа, случайно выроненной, когда подметали мою тюрьму. Эта обожженная палочка замѣнила мнѣ пальцы, распухшіе отъ безпрестаннаго стучанія и ногти отъ невыносимой боли. — При этомъ не могу не улыбнуться при воспоминаніи — когда намъ, по прочтеніи сентенціи, позволено было видѣться съ родными и когда я въ присутствіи коменданта Сукина передалъ эту палочку одной изъ сестеръ, сказавъ ей тихо: «prenez, c'est ma langue». Разрѣшеніе ихъ недоумѣній длилось долго — до ихъ прибытія въ Селенгинскъ, куда онѣ прибѣжали, чтобъ раздѣлить участь братьевъ.

Мнѣ остается объяснить, отъ чего происходило такое продолжительное недоумѣніе брата, когда я пытался передать ему мою азбуку. Онъ, также какъ и я, чувствовалъ неодолимую потребность бесѣдовать со мною. Къ его несчастію, постукивая стѣну въ различныхъ мѣстахъ, онъ попалъ на такое мѣсто, гдѣ толстая стѣна, болѣе аршина толщиною, была пробита сквознымъ четырехугольнымъ отверстіемъ, заложенымъ только однимъ рядомъ кирпичей. По звукамъ въ пустомъ пространствѣ онъ заключилъ, что и съ моей стороны отверстіе было заложено только однимъ рядомъ кирпичей, и возымѣлъ намѣреніе просверлить этотъ рядъ, и потомъ, заставивъ меня сдѣлать тоже съ моей стороны — сообщаться изустно. Просверлить.... Это такъ легко сказать, но исполнить—это другое дѣло.... Какъ и чѣмъ братъ мой могъ исполнить свое намѣреніе — составляетъ эпизодъ самый занимательный нашей тюремной жизни, и доказываетъ, какъ настойчивая воля беретъ верхъ надъ всѣми затрудненіями. Онъ началъ съ того, что выломилъ одно крыло изъ жестяной перпетюэльки, затѣмъ это крыло, въ продолженіи двухъ недѣль, вострилъ и точилъ на кирпичѣ печи, куда глазъ часового не достигалъ. Потомъ этимъ инструментомъ, ночью, отщепилъ длинную лучину отъ ножики своей кровати. Для соединенія этого ножики съ лучиною, онъ употребилъ нитки, вырванныя изъ одѣ-

яла. Такимъ-то снарядомъ онъ дошелъ до того, что слой кирпичей съ его стороны былъ пробуравленъ. Онъ ожидалъ такого же результата съ моей стороны. Но уви!.. я продолжалъ настойчиво стучать свою азбуку, а онъ, подъ вліяніемъ своей постоянной идеи, давалъ мнѣ знать, что я совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ буравлю стѣну. Такъ длилось время до вышеупомянутаго обстоятельства, положившаго вонецъ нашимъ мученіямъ и начало нашего счастья.

Когда мы наговорились досыта, намъ захотѣлось распространить далѣе наше сношеніе съ сосѣдями и преимущественно съ Рыгѣевымъ, которой сидѣлъ только черезъ одинъ номеръ отъ брата. Но, къ несчастію, въ этомъ номерѣ сидѣлъ А. И. Одоевской, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ*). Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ какъ уговорить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такіа чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ; что ему ни говорили, какъ ни стращали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое и вончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиною, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Выждавъ тихую минуту въ его базаматѣ, едва братъ начиналъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ неистовымъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ, чтобъ не обнаружить нашего намѣренія. Послѣ долгихъ упорныхъ попытокъ, когда наконецъ онъ понялъ въ чемъ дѣло и когда братъ уже трубилъ побѣду и мы рисовали въ своемъ воображеніи удовольствіе въ сношеніяхъ съ Рыгѣевымъ, надо же случиться, на бѣду нашу, что самая ничтожная бездѣлица — разбила въ прахъ наши мечты.... Одоевской не зналъ азбуки по порядку!...

М. А. Вестужевъ.

---

*) Князь Александръ Ивановичъ, см. о немъ въ концѣ этого тома «Русской Старины».